

Танец «Танге» предполагал, что танцовщицы двигаются в группе, но она танцевала одна. Когда музыка началась, она бросила свои рукава, словно облака, и, вращаясь, казалось, поднималась в небо, где танцевала среди облаков. Её улыбка сияла, как весенний день, но когда она опускала голову, её выражение становилось таким же холодным, как в лунном дворце.

В зале стояли более сорока охранников князя Цзинчэна, но Цзян Ваньчэнь танцевала среди них, словно не замечая их. Танец Не Фэйлуань был прекрасен своей мягкостью, но её танец отличался лёгкостью и свободой, которая исходила из её души. Даже если бы вокруг неё сверкали мечи, она бы продолжала танцевать.

Когда танец закончился, даже Сяо Шанли на мгновение потерял дар речи. Почему эта женщина танцевала одна? Кто мог бы сопровождать её в этом удивительном танце?

Она опустила рукава и опустилась на колени, слегка вспотев. Сяо Шанли сказал:

— Я пойду переодеться.

Чиновники Чжэчжоу обрадовались, подумав, что князь заинтересовался танцовщицей, и почтительно проводили его. Цзян Ваньчэнь, поняв намёк, тихо последовала за ним.

Сяо Шанли приказал принести медный таз для умывания. Она взяла у служанки шёлковый платок и поднесла его князю. Сяо Шанли спросил:

— Госпожа Цзян, ты что-то хочешь от меня?

Цзян Ваньчэнь скромно ответила:

— Я лишь прошу ваше высочество взять меня с собой в столицу.

Сяо Шанли поднял бровь:

— О?

Её глаза блестели, и она заплакала:

— Ваше высочество слышали о «Блистательном альянсе»? Хоу Юн, глава альянса, невероятно богат, и в Чжэчжоу его называют «Половина города». Он преследует меня, и я не хочу подчиняться, но у меня нет выбора!

Сяо Шанли посмотрел на неё сверху вниз:

— Но я слышал, что Хоу Юн относится к тебе с большим уважением и даже построил для тебя Чуйбэй.

Цзян Ваньчэнь напряглась и перестала плакать:

— Ваше высочество правы.

Она тихо сказала:

— Разве мой танец стоит того, чтобы быть лишь спутницей купца? Разве я не заслуживаю большего в столице?

Сяо Шанли ответил:

— В Цзиньцзине есть Не Фэйлуань, которая танцует на зеркалах. Ты не намного лучше неё.

Цзян Ваньчэнь откинула волосы с лица, показав своё юное лицо, и улыбнулась:

— Цветы не вечно цветут, и люди не вечно молоды. Не Фэйлуань уже перешагнула двадцатилетний рубеж. В нашем мире красота быстро увядает.

Сяо Шанли смотрел на неё, её губы были как вишни, а одежда проста, но она жаждала славы. Уголок его рта слегка дрогнул, и это лёгкое движение заставило её замереть. Она вдруг почувствовала, что её красота меркнет перед ним. Сяо Шанли медленно произнёс:

— Хорошо, я возьму тебя с собой. Сегодня ночью ты увидишь интересное зрелище.

Через некоторое время в зал вошёл охранник и шепнул что-то Сяо Шанли. Тот кивнул и спокойно вернулся за стол.

Цзян Ваньчэнь, стоя рядом с ним, украдкой наблюдала за происходящим и удивлялась. В зале появился новый гость — пожилой мужчина с седыми волосами и строгим выражением лица. На нём не было официальной одежды, только домашний наряд, что указывало на то, что он уже спал, когда его вызвали.

Он опирался на узловатую трость, а в волосах у него была простая деревянная шпилька, похожая на кисть. Этот человек был известным учёным Ли Хэ, которого называли «Цзин-гун». Он никогда не занимал официальных должностей, но был лидером среди учёных.

Сяо Шанли сказал:

— Простите за поздний вызов, Цзин-гун.

Ли Хэ серьёзно ответил:

— Ваше высочество вызвали меня, значит, есть важное дело.

Сяо Шанли кивнул:

— Именно так.

Он спокойно продолжил:

— Я здесь уже месяц, но, к сожалению, не смог спасти народ от бедствий.

Ли Хэ печально вздохнул:

— Лед толщиной в три фута не образуется за один день.

Он оглядел чиновников в зале и с гневом произнёс:

— Если ваше высочество чувствуете себя виноватым за то, что сделали столько, то что сказать о тех, кто занимает свои должности, ничего не делая, и грабит народ?

Сяо Шанли кивнул:

— Тогда пусть будет так.

Никто в зале не понял его слов, но все замерли, когда он взял свой нетронутый бокал вина и бросил его на пол. Стекло разбилось.

Все почувствовали холод.

Охранники, получив сигнал, бросились вперёд, как тигры на добычу. Свечи в зале погасли, и раздались крики. Семь чиновников были схвачены, а их шапки и украшения упали на пол. Кровь брызнула на пол, когда один из военных попытался сопротивляться.

Кровь потекла по полу, но Ли Хэ стоял неподвижно, лишь вздохнув:

— Ваше высочество, вы казните без приказа, это слишком рискованно.

Сяо Шанли стоял спиной к хаосу, и только когда крики стихли, а оставшиеся четыре чиновника упали на пол, он повернулся и сказал:

— Я знаю, что делаю. Цзин-гун, в народе говорят: богатство ищут в опасности.

Многие знали Ли Хэ как великого учёного, у которого было четырнадцать учеников, известных как «Четырнадцать мудрецов Цзянцзо», но мало кто знал, что у него был ещё один ученик — женщина, дочь его старого друга, невестка наследного принца Чжаохуай — Гу Хуань.

Они общались только через письма, и именно она, находясь на острове Пэнлай, организовала кампанию, которая привела к реабилитации её отца.

У Ли Хэ не было детей, и он считал её своей дочерью. После замужества она редко писала ему, так как была вовлечена в борьбу за престол и не хотела подвергать его опасности. Месяц назад

она написала ему, предупредив, что князь Цзинчэн будет отправлен в Чжэчжоу, и попросила его дать ему совет, но не помогать ему.

Снаружи лил дождь, и сквозь шум слышались крики. После четвёртого крика все, кого князь Цзинчэн хотел казнить, были мертвы, а их кровь смыло дождём. Сяо Шанли сказал:

— После такого шума евнух, присланный императором, должен проснуться.

Он повернулся и добавил:

— Я напишу императору, прося прощения. Пусть евнух осмотрит тела.

Он вышел из зала, его лента на лбу сияла, а за ним оставались кровавые следы.

Ли Хэ опустил голову и прошептал:

— ...«Тот, кто знает, что это невозможно, но всё равно делает?»

Это были слова из письма Гу Хуань, первое, чему он её научил. Это было о Цзы Лу, который ночевал у ворот Шимень. Стражник спросил: «Откуда ты?» Цзы Лу ответил: «Я пришёл от Конфуция». Стражник спросил: «Тот, кто знает, что это невозможно, но всё равно делает?»

Мудрецы говорили, что нужно делать то, что невозможно. Ли Хэ дал обет не занимать должностей и не вмешиваться в политику, но теперь он понял, что за тридцать лет так и не сделал ничего, что требовало бы такого мужества. И вот он увидел, как принц сделал это. Ли Хэ, который много лет не пил вина, наполнил бокал и торжественно произнёс:

— Ваше высочество, подождите!

Он поклонился Сяо Шанли в знак уважения и сказал:

— Я желаю вам успеха.

Дождь в Чжэчжоу дошёл до столицы, и в дворце Юйси раздался громкий звук. Светильник упал, разрубленный мечом императора Чу. Из глубины дворца раздался его гневный крик:

— Как он смеет! — Я убью его!

Сотни слуг и служанок стояли на коленях у входа, некоторые плакали. Через некоторое время пожилой евнух, служивший императору, вышел из зала, поддерживаемый несколькими руками.

Он пошатнулся, но быстро вышел из дворца, а за ним побежали слуги с зонтами. Он отмахнулся от них и, не надев плащ, отправился под дождь, чтобы вызвать князя Шоушань.

Князь Шоушань пришёл, промокший до нитки, его чёрные волосы прилипли ко лбу. Он низко поклонился. Император Чу ходил по залу, а три министра стояли на коленях.

Князь Шоушань был в ужасе. Даже старый Гао Э не был освобождён от поклона, что показывало, насколько император был разгневан. Холод дождя проник в его спину.

Император Чу успокоился и бросил секретный доклад евнуха перед Гао Э:

— Вы все хотите знать, почему я вызвал вас сегодня ночью? Прочитайте это!

<http://bllate.org/book/15272/1348103>